

двинуты в сторону проблемы связи языка и мышления, а также отношение языка к действительности.

Гораздо более глубоким подходом к языковой коммуникации характеризуются теоретические и экспериментальные разработки, выполненные на основе марксистской теории деятельности и идей психологической школы Л. С. Выготского (см. Основы теории речевой деятельности, 1974). Были сделаны попытки решить целый ряд кардинальных вопросов, а именно: а) построение комплексной теории речи, которая не была бы ни узколингвистической, ни узкопсихологической, ни абстрактно-семиотической и дала бы описание языкового феномена во всех его частях и сторонах; б) выяснение механизма порождения (построения) речи и ее смыслового восприятия; в) установление психолингвистической значимости элементов языковой системы, что в конечном итоге привело к постановке вопроса о коммуникативной их значимости и тем самым к их оценкам в социологическом, этнографическом, культурологическом и др. планах (см. Смысловое восприятие речевого сообщения, 1976; Национально-культурная специфика речевого поведения, 1977).

Внесение в научный анализ категории деятельности в ее марксистском понимании позволяет изменить чисто таксономический, объективистски-созерцательный подход. Уместно повторить по этому поводу слова К. Маркса о том, что «главный недостаток всего предшествующего материализма... заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно» (Маркс, 1955, тез. 1). Из марксистского понимания взаимоотношений человека и мира вытекает, что реальные связи субъекта с предметным миром осуществляются в форме активных процессов, в виде деятельности, опосредствующей воздействие предметного мира на человека. В предметно-практической, теоретико-познавательной и коммуникативной деятельности и воплощается как раз реальная жизнь человека, его общественное бытие, ибо «бытие», жизнь каждого человека складывается из совокупности или, точнее из системы, иерархии сменяющих друг друга деятельностей» (Леонтьев, 1974, 7).

«Если иметь в виду деятельность человека, то можно сказать, что деятельность есть как бы молярная единица его индивидуального бытия, осуществляющая то или иное жизненное его отношение; подчеркнем: не элемент бытия, а именно единица, т. е. целостная, не аддитивная система, обладающая многоуровневой организацией. Всякая предметная деятельность отвечает потребности, но всегда опредмеченной в мотиве; ее главными образующими являются цели и, соответственно, отвечающие им действия, средства и способы их выполнения и, наконец, психологические функции, реализующие деятельность, которые часто составляют ее естественные предпосылки и накладывают на ее протекание известные ограничения, часто перестраиваются в ней и даже ею порождаются» (разрядка моя. — Б. З.) (Леонтьев, 1974, 9).

Представители московской психолингвистической школы трактуют язык как продукт специфической деятельности, как то, в чем эта деятельность опредмечивается, а его усвоение — как превращение языка из предметной формы в форму деятельности, «распредмечивание». Речь включается как составная часть в деятельность более высокого порядка. Она есть совокупность речевых действий, имеющих собственную промежуточную цель, которая подчинена цели деятельности как таковой. Она выступает как речевое действие, т. е. относительно самостоятельный процесс, и предполагает постановку цели, планирование и осуществление плана (внутренней программы) и сопоставление цели и результата. Одни факторы обуславливают речевую интенцию, другие влияют на ход ее реализации. К числу первых относится мотивация, обстановочная афферен-